

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

ГЕННАДИЙ
СПАСЬКОВ

1941:

ФАТАЛЬНАЯ
ОШИБКА ГЕНШТАБА

Тайны военной истории

Геннадий Спаськов

1941: фатальная ошибка Генштаба

«Алисторус»

2017

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)

Спаськов Г. Н.

1941: фатальная ошибка Генштаба / Г. Н. Спаськов —
«Алисторус», 2017 — (Тайны военной истории)

ISBN 978-5-906947-88-8

Всё ли мы знаем о трагических событиях июня 1941 года? В книге Геннадия Спаськова представлен нетривиальный взгляд на начало Великой Отечественной войны и даны ответы на вопросы: – если Сталин не верил в нападение Гитлера, почему приграничные дивизии Красной армии заняли боевые позиции 18 июня 1941? – кто и зачем 21 июня отвел их от границы на участках главных ударов вермахта? – какую ошибку Генштаба следует считать фатальной, приведшей к поражениям Красной армии в первые месяцы войны? – что случилось со Сталиным вечером 20 июня? – почему рутинный процесс приведения РККА в боеготовность мог ввергнуть СССР в гибельную войну на два фронта? – почему Черчилля затащили в антигитлеровскую коалицию против его воли и кто был истинным врагом Британской империи – Гитлер или Рузвельт? – почему победа над Германией в союзе с СССР и США несла Великобритании гибель как империи и зачем Черчилль готовил бомбардировку СССР 22 июня 1941 года?

УДК 323 (470+571)

ББК 66.4(2)

ISBN 978-5-906947-88-8

© Спаськов Г. Н., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

Введение	6
Глава I	7
Тройственный пакт	7
СССР не мог напасть первым	11
Адвокат для СССР	15
Март 1941 г. – все еще война на два фронта	21
«Соображения от 15 мая» – война на один фронт!	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Николаевич Спаськов

1941: фатальная ошибка Генштаба

© Спаськов Г. Н., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Введение

Загадка событий кануна 22 июня 1941 года до сих пор вызывает обостренный интерес занимающихся историей. Но, несмотря на такое внимание, разобраться с теми событиями истории не сумели по сей день.

В 1953 году умер Сталин, а через три года советскому народу и всему миру объявили, что причиной наших поражений в начале войны стало то, что Сталин якобы не верил в нападение Германии и запретил приводить войска Красной армии в боеготовность. С 1956 года эта установка стала государственной политикой СССР в области истории войны, и другое мнение в средствах массовой информации не допускалось. (В качестве официальной позиции правящего слоя это сохранилось и после гибели СССР.)

Но подобный режим цензуры был установлен и в странах Запада, называющих себя свободными и демократическими. Казалось бы, политические противники и антагонисты во всем, советские коммунисты и западные капиталисты трогательно сошлись в единой оценке действий Сталина накануне войны! Мол, все видели, что немцы вот-вот нападут, и один только Сталин ничего не понимал и не видел. Но могло ли быть так, чтобы опытейший и многолетний глава страны, самый осведомленный человек, безусловно признанный друзьями и врагами мудрым и дальновидным руководителем, вдруг оказался полным слепцом (если не глупцом) в вопросе, который тогда был абсолютно ясен всем вокруг?

Несмотря на явный абсурд, такая позиция была принята и до сих пор исповедуется абсолютным большинством историков. Причем она настолько крепко вбита в их сознание, что они не только не видят нелепости своей позиции, но и неспособны заметить и связать в единую картину массу фактов, которые вопиют об обратном и буквально лежат на поверхности – только протяни руку и возьми.

Но это отнюдь не единственный пример вопиющей нелепости в общепринятой версии тех событий. Предположим, что, изучая военную и международную политику СССР в послевоенный период, мы совершенно не учтем противостоящий ему военно-политический блок НАТО и исходившую от него угрозу.

А между тем подобный абсурд не только допускается, но уже более полувека является обязательным правилом при изучении военных мероприятий Советского Союза в канун Великой Отечественной войны. К примеру, описывая предвоенную обстановку в приграничных войсках, участники войны постоянно отмечали следующий важный момент. Практически любые перемещения войск у границы с целью повысить их боеготовность проводились только с разрешения высшего военно-политического руководства, сопровождаемого строжайшим требованием «не допустить провокаций».

Однако, что это за провокации и почему их следовало так опасаться, как правило, не объясняется. Точнее, иногда поясняют, что провокации могли дать немцам повод к войне. Но если те имели желание и возможность начать войну, то зачем им какой-то повод? Напасть ведь можно и без повода – что они, в конце концов, и сделали. Либо, на худой конец, самим придумать любой повод, в чем у них также был приличный опыт.

Историки должны были разобраться и объяснить, чего именно так опасалось советское военно-политическое руководство в самый канун войны. Но и здесь они оказались бессильны (к счастью, не все, об исключениях будет сказано ниже), и в их трудах военно-политическое руководство СССР выглядит некими пугливыми самодурами, которые боялись неизвестно чего. Недругам СССР-России это всегда нравилось, но соответствует ли такая картина той, реальной действительности? Не заблудились ли в трех соснах сами историки? Ведь за объяснением им далеко ходить было не надо.

Глава I

На сколько фронтов воевать

Тройственный пакт

27 сентября 1940 года в Берлине правительства Японии, Италии и Германии заключили договор о военно-политическом союзе, названном «Пактом трех держав 1940 года», или «Тройственным пактом». В течение полугода к нему присоединились Венгрия, Румыния, Болгария, Хорватия и Словакия, позже – Таиланд (и фактически Финляндия).

Текст договора гласил:

«Правительство Великой Японской Империи, правительство Германии и правительство Италии, признавая предварительным и необходимым условием долговременного мира предоставление каждому государству возможности занять свое место в мире, считают основным принципом создание и поддержание нового порядка, необходимого для того, чтобы народы в районах Великой Восточной Азии и Европы могли пожинать плоды сосуществования и взаимного процветания всех заинтересованных наций, выражают решимость взаимно сотрудничать и предпринимать согласованные действия в указанных районах в отношении усилий, основывающихся на этих намерениях.

Правительства трех держав, преисполненные стремления к сотрудничеству со всеми государствами, которые прилагают подобные усилия во всем мире, полны желания продемонстрировать свою непреклонную волю к миру во всем мире, для чего правительство Великой Японской Империи, правительство Германии и правительство Италии заключили нижеследующее соглашение.

Статья 1. Япония признает и уважает руководящее положение Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководящее положение Японии в установлении нового порядка в Великой Восточной Азии.

Статья 3. Япония, Германия и Италия соглашаются осуществлять взаимное сотрудничество, основывающееся на указанном курсе. Если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в японо-китайском конфликте, то три страны обязуются оказывать взаимную помощь всеми имеющимися в их распоряжении политическими, экономическими и военными средствами.

Статья 4. В целях осуществления настоящего пакта безотлагательно создается смешанная комиссия, назначаемая правительством Японии, правительством Германии и правительством Италии.

Статья 5. Япония, Германия и Италия подтверждают, что указанные выше статьи никоим образом не затрагивают политического курса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом.

Статья 6. Настоящий пакт вступает в силу с момента его подписания. Срок действия пакта – десять лет со дня вступления в силу. Договаривающиеся Стороны по требованию одной из держав, заключивших пакт, обсудят

вопрос пересмотра настоящего договора в любой момент до истечения этого периода»¹.

Договор стал логическим развитием Антикоминтерновского пакта, заключенного Германией и Японией еще в 1936 году и направленного «на оборону от коммунизма» – то есть против СССР. Но тогда СССР еще не граничил с Германией, и проистекавшая от первого пакта угроза проявлялась не столь остро. Теперь же общая граница с мировыми агрессорами и их вассалами составила более 5000 километров. В итоге по новому договору Советский Союз получил у себя прямо перед лицом и за спиной единство двух старых врагов: на западе – Германию с сателлитами, а на востоке – Японию.

Что после победы над Францией следующей целью гитлеровской агрессии станет Советский Союз, его руководству было очевидно. Сразу же после этого в июле 1940 г. народное хозяйство СССР перевели на максимально напряженный трудовой режим, резко ужесточилась ответственность за нарушение дисциплины, а доля военных расходов в государственном бюджете с 26% в 1939 году подскочила до небывалой величины 43% в первой половине 1941 года.

Германия же начала прямую подготовку к агрессии на Восток. Объективно Гитлеру выгодно было нападать на СССР вместе с Японией – вдвоем легче «завалить» такую крупную добычу. Это ясно и без большой политики, исходя из простого здравого смысла. Угроза войны на два фронта дамокловым мечом повисла над СССР.

Правда, условия Тройственного пакта прямо не обязывали Японию идти на СССР войной вместе с немцами. Если исключить упоминания о новом порядке в Европе и Азии, которые собирались установить там страны «оси», то пакт вообще мог выглядеть оборонительным. Особенно такой вид ему придавала соответствующая «оборонительная» статья 3.

Но парадокс в том, что для нас она была не многим менее опасной, чем, скажем, та, в которой содержалось бы взаимное обязательство партнеров о совместном нападении на СССР. Вот эта важнейшая статья:

«Если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в японо-китайском конфликте, то три страны обязуются оказывать взаимную помощь всеми имеющимися в их распоряжении политическими, экономическими и военными средствами»².

Первым и важнейшим следствием этой статьи является тот факт, что если СССР нападет на Германию, то Япония с Италией, безусловно, объявят ему войну. Но как это могло угрожать Советскому Союзу, если он не собирался на нее нападать, а продолжал мирно себя вести, строго соблюдая Пакт о ненападении?

Руководство СССР никогда не сомневалось, что Гитлер рано или поздно пойдет на нас, о чем он объявил еще в своей программной книге «Майн кампф». Когда же Германия начнет стягивать к нашим рубежам свои войска, то СССР для обороны вынужден будет ответить тем же. То есть сосредоточить на западной границе свои силы, всего около 250 дивизий. Но если советская сторона передвинет к границе столь крупную массу войск открыто либо не сумеет скрыть переброску от противника, то Гитлер в любой момент может подать ее как нарушение Советским Союзом пакта о ненападении и развязывание им войны против Германии! *Тогда Япония, согласно статье 3 Тройственного пакта, начнет войну против СССР.* Это война на два фронта, а такая война практически неминуемо приведет к поражению и, следовательно, гибели Советского государства.

Таким образом, неосторожный шаг по приведению Красной армии в боевую готовность мог обернуться для Советского Союза войной на два фронта с фатальными последствиями. Стремление ее избежать – ключ к пониманию действий советского военно-политического руководства накануне войны. Следствием этого жизненно важного интереса и стало требование

по «предотвращению провокаций», под которыми понималось все, что могло выставить нашу страну нападающей стороной в отношении Германии. Отныне любые передвижения войск у западной границы, любые другие мероприятия по приведению их в боеготовность рассматривались прежде всего с этой позиции – *не дать немцам возможности выставить нас агрессором! Не дать втянуть СССР в гибельную войну на два фронта!*

Особо в списке опасных стоят два мероприятия, с которыми сложилась поистине парадоксальная ситуация. С одной стороны, если не провести их до войны, причем существенно раньше нападения Германии, то это грозило Советскому Союзу поражением уже в самом ее начале. С другой стороны, *официальное их проведение в обычном порядке* до нападения немцев с вероятностью, близкой к 100%, вело к объявлению нам войны Японией в соответствии с ее обязательствами по Тройственному пакту.

Первое мероприятие – *прямой ввод в действие плана прикрытия до начала войны*, выполненный в обычном, установленном официальными документами порядке. План вводился короткой телеграммой наркома обороны: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 года». По этой команде во всех войсковых штабах западных округов следовало немедленно вскрыть «красные пакеты» с содержащейся там боевой задачей на случай войны. Сразу же за этим повсеместно вскрывались склады с подготовленными для войны неприкосновенными запасами и проводилось от мобилизованные приграничных дивизий – пополнение их запасами со складов, а также людьми и транспортными средствами из окрестных городов и сел. Затем одновременно по всей советско-германской границе войска прикрытия следовало занять свои боевые позиции.

По твердо установленному на тот момент порядку, «красные пакеты» могли вскрываться с началом боевых действий, точнее – *после нарушения советских границ вражескими войсками* (об этом мы еще будем говорить). Отсюда уже сам факт их вскрытия у всего комсостава однозначно связывался с началом войны. Одновременно по плану прикрытия из опасной зоны начиналась эвакуация семей военнослужащих. Поэтому все эти мероприятия, свидетельствующие о начале войны, сразу становились известны семьям командиров, а через них – окрестному населению. В итоге еще до войны рядом с границей приходила в движение огромная масса войск и гражданских лиц. Все это через агентуру и местных жителей немедленно становилось известно немцам, поскольку границу тогда ежедневно пересекало множество мирных граждан – тех, кто имел родственников на той стороне или хотел переселиться в соседнее государство:

«В приграничном районе КОВО в то время происходили невероятные вещи. Через границу проходили граждане туда и обратно. К нам шли желающие перейти на жительство в СССР. От нас уходили не желающие оставаться в пределах Советского Союза. Правда, для прохождения через границу были определены пропускные пункты, но передвижение в приграничной полосе таило в себе много неприятностей для нас»³.

Впрочем, с той стороны границы немцы могли увидеть это и без агентуры, в обычный полевой бинокль.

После смерти Сталина множество умников упрекало его, что он не сделал это за несколько дней до войны, называлось даже наиболее целесообразное время – промежуток с 12 по 15 июня. Казалось бы, разумное предложение: вермахт тогда еще не был готов к нападению, его войска не вышли на исходные позиции, для чего требовалось еще 7–10 дней. Но несмотря на, казалось бы, полную в таком случае потерю внезапности для Германии, большой подарок Гитлеру (за исключением разве что прямого объявления ему войны) трудно себе представить. Красная армия безо всякого повода открыто занимает исходные позиции для войны с Германией! Тут уж Гитлеру с Геббельсом сам бог велел завопить на весь мир, что большевики начи-

нают против них агрессию. И если раньше они уже почти не надеялись подключить японцев к нападению на СССР (об этом чуть позже), то теперь мы за них это делали сами!

Таким образом, эффект от данного мероприятия мог стать таким же, как от прямого объявления Советским Союзом войны Германии. Причем массовый выход на позиции войск прикрытия, опасный уже сам по себе угрозой потери скрытности, нес дополнительные опасности, которые, в свою очередь, могли привести к роковой «провокации». Вполне реальной была ситуация, когда выдвигавшаяся по тревоге советская часть в темноте могла пересечь границу и столкнуться там с немецкой. Или на сторону врага мог перейти предатель, прихвативший с собой приказ о вводе в действие плана прикрытия.

Но еще в большей мере все это относится к мобилизации, которую Сталину якобы следовало провести также задолго до нападения. *Мобилизация нужна только для войны!* А поскольку СССР ни с кем не воевал, то проводить ее в западных округах он мог только против Германии и ее союзников. И в этом случае СССР автоматически, по своей инициативе начинал войну с Германией. Мобилизация до начала войны — второй вернейший способ объявить себя агрессором. Это был бы подарок Гитлеру, о котором он не мечтал и которого не получил за всю свою бурную жизнь: по доброй воле вызвать на себя войну на два фронта, втянув в нее и Японию!

И вот за отказ от *прямого*, точнее, *открытого проведения* этих действий и, следовательно, избавление от войны на два фронта И.В. Сталина до сих пор клеймит масса недалеких историков. А начал эту кампанию по указку Н. Хрущева наш легендарный маршал Г.К. Жуков, занимавший перед войной пост начальника Генерального штаба Красной Армии. Если верить ему, то они с Тимошенко будто бы еще 13 июня пришли к Сталину и потребовали начать мобилизацию и ввести план прикрытия. На что вождь им ответил: *«Вы что же, предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы оба это или нет?»*⁴

Но тут Жукову что-то не верится — такой глупости, граничащей с предательством, тем более в кампании с Тимошенко, он Сталину предлагать не мог. Как член ЦК ВКП(б) международную обстановку он знал лучше других, а как начальник Генштаба условия Тройственного пакта чувствовал, грубо говоря, всем нутром и подобную чушь Сталину сказать не мог. Нет сомнений, что ревностнее и зорче всех отслеживали без указаний сверху, чтобы кто-то на местах не высунулся с подобной глупостью — вскрыть «красные пакеты» или двинуть войска на границу — сами Тимошенко и Жуков. И были совершенно правы! Ибо если кто-то в приграничных округах, руководствуясь благими намерениями повысить боеготовность, фактически поможет Гитлеру выставить СССР агрессором, то в будущей войне задача всего советского народа и их лично как Главнокомандующего с начальником Генерального штаба усложнится в два раза. Поскольку добывать победу им придется уже не над одной Германией, а в войне сразу на два фронта.

Тем не менее, при реальной угрозе нападения выводить войска на позиции следовало по-любому, невзирая на то, есть опасность второго фронта или нет. Но делать это прямо, в том порядке, который предписывали документы еще с 30-х годов, было нельзя. Как это сделав реальности, мы рассмотрим чуть позже. А сейчас следует разобраться с вопросом, вокруг которого в последние годы было сломано великое множество копий.

СССР не мог напасть первым

Думаю, читатель уже понял, что если СССР не позволял себе в отношении Германии неосторожных действий и «провокаций» даже на своей территории, то подавно не мог первым наносить по ней «превентивный» удар.

Тем не менее этот вопрос стоит рассмотреть особо. Еще раз повторим основные положения статьи 3 Тройственного пакта:

«Если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы... то три страны обязуются оказывать взаимную помощь всеми имеющимися в их распоряжении политическими, экономическими и военными средствами».

Таким образом, если Советский Союз нанесет удар по Германии, то Япония немедленно начнет против него войну. Эта статья – юридическое оформление жизненно важного интереса Японии и Германии их правительствами, наглядное и всем доступное. Ибо если набравшийся силы и наглости СССР сможет напасть и разбить Германию, то следующей его жертвой неизбежно станет одинокая Япония, сильно задолжавшая России еще с 1905 года. Пусть даже те союзники мерили нас по себе, предполагая нашу агрессивность – но они имели полное право исключить ситуацию, когда потенциальный враг мог разбить их поодиночке.

Итак, напав однажды на Германию, СССР сразу получал войну на два фронта (точнее – на три, но об этом позже) с мощными и воинственными государствами. А такая война, как учит история, неизбежно заканчивается поражением.

Такая ситуация ставит жирный крест на теории, что СССР готовился в июле 1941 г. нанести «превентивный» удар по гитлеровской Германии.

Нельзя сказать, что ранее данное обстоятельство было неизвестно. Еще 20 лет назад об этом фактически сказал Ю.И. Мухин в своей работе, к сожалению прошедшей мимо внимания наших историков⁵. Мухин подробно разъяснил любителям истории проистекающие из договора Германии и Японии возможные неприятности и их влияние на предвоенную политику СССР. Следует заметить, что Тройственный пакт и его следствия до тех (как, впрочем, и до сих) пор удивительным образом обходили стороной как историки, так и авторы военных мемуаров. Поэтому любителям истории, а тем паче занимающимся ею профессионально, должны стать понятными мотивы поведения Сталина, Тимошенко и всего руководства СССР в канун войны.

Но почти в те самые годы в России махровым цветом распустилась теория В. Суворова, получив массу восторженных почитателей. Увлеченно повторяя мысль учителя о подготовке Сталиным назначенного на 6 июля нападения на Германию, они оказались не способными прочесть и понять текст Тройственного договора и вытекающий из него факт наличия у нас второго фронта в лице Японии.

Но тут удивляться не приходится – что взять с учения, «гуру» которого, мягко говоря, не совсем адекватен? В какой-то мере его почитателей извиняет лишь то обстоятельство, что текст договора найти было весьма не просто, поскольку после 1940-х годов у нас его практически не публиковали.

Удивляет скорее другое. Ведь у Суворова-Резуна всегда было множество критиков, категорически не приемлющих его теорию. И его всегда яростно, но в основном по мелочам критиковали, а некоторые из них, как, например, А. Исаев и А. Помогайбо, написали в связи с этим по увесистой книге⁶. Но глаза на лоб лезут, когда читаешь труды таких критиков. Ведь кем самому надо быть, чтобы «опровергать» Резуна с дремучих хрущовских позиций, как это сделал Помогайбо! Или профессиональный историк А. Исаев, тоже накатавший солидный том под названием «Антисуворов». Туда он запихнул, видимо, все, что знал о том периоде, и говорил

о чем угодно, только не касаясь центрального пункта, ставящего крест на резуновской теории. «Опровергнув» таким способом Резуна, в следующей книге вслед за Помогайбо он продолжил старую хрущевскую песню:

«Сталин не верил в возможность нападения Германии до того момента, когда у всех уже не оставалось сомнений в намерениях Гитлера. Но вместе с тем не оставалось и времени на адекватную реакцию»⁷.

Такие критики, по меньшей мере, уведут своих читателей в сторону от сути проблемы. А фактически – льют воду на мельницу бредовой теории и делают с Резуном одно дело. Может, поэтому Исаев ласково величает его «Владимиром Богдановичем».

Теперь надо пояснить, почему я считаю этого «Богданыча» неадекватным, а точнее говоря – шизофреником. А то без аргументации столь резкого заявления его почитатели справедливо на меня обидятся.

Не буду повторять чужих доводов – желающие прочтут их сами. Давайте лучше вновь посмотрим центральный пункт, на котором держалась резуновская теория.

Сначала замечу, что Резун сумел убедить паству в том, что Сталин-де хоть и злодей, но умнейший человек и даже гений. В части последнего нет больших возражений, но, объявляя кандидата гением, не надо его судить по себе и выставлять круглым идиотом.

Почему, спрашивает наш герой, гениальный Сталин, готовя агрессию против фашизма, якобы пропустил немецкое нападение? И отвечает: потому что был уверен, будто Гитлер ни за что не нападет на СССР. А уверенность эта будто бы держалась на том, что Германия уже воевала против Англии, – Сталин не допускал мысли, что Гитлер пойдет на самоубийственную для него войну на два фронта. И на его примере разъясняет гибельность такой войны весьма подробно и убедительно:

«Германский Генеральный штаб и сам Гитлер во Второй мировой войне отлично понимали, что война на два фронта – катастрофа... Сам Гитлер считал, что воевать на два фронта невозможно... Каждый школьник знает, что два фронта для Германии – самоубийство. Вторая мировая война потом подтвердит это правило еще раз, причем для Гитлера лично война на два фронта будет означать самоубийство в самом прямом смысле.

Если бы вам в 1940 году, после падения Франции, кто-то сказал, что Гитлер готовится к самоубийственной войне на два фронта, вы бы поверили? Я бы – нет.

Если бы такое сообщила советская военная разведка, то я бы посоветовал начальнику ГРУ генералу Голикову оставить свой пост, вернуться в академию и изучить еще раз причины поражения Германии в Первой мировой войне. Если бы новость о самоубийственной войне мне сообщил некий нейтральный человек со стороны, я бы ему ответил, что Гитлер – не идиот, *это ты, дорогой друг, наверное, идиот, если считаешь, что Гитлер добровольно начнет войну на два фронта*»⁸.

Возвращая «Богданычу» его вопрос: кто же ты сам, дружок, если считаешь, что Сталин добровольно хотел начать самоубийственную войну на два фронта? Почему Сталин у тебя проблемы Гитлера постоянно держит в уме, а про свой второй фронт в лице Японии забыл намертво? Причем мысль о трудностях Гитлера так вышибла из головы резуновского Сталина проблему его второго фронта, что он стал готовить «агрессию против фашизма», да так увлекся, что до последнего момента не заметил готовый к нападению вермахт.

Могут возразить, что ведь не только Резун, но и прочие историки молчали и молчат про «второй фронт» СССР. Однако невежество автора глупости его теории никак не оправдывает. «Богданычу» б на этом остановиться, но он подкрепил свою теорию и другими доводами, которые на «ура» приняты как среди многих любителей, так и среди ряда профессиональных историков.

Почему, по его мнению, Сталин не заметил готовый к нападению вермахт, или, точнее, как бы заметил, но совсем не придавал тому значения? Да потому что, оказывается, для Сталина он был совсем не боеготовым! Вот как профессиональные историки в изданном по заказу Пограничной службы РФ научном труде, автором которого является профессор, а в числе рецензентов – еще один профессор и даже академик (!), излагают второй краеугольный камень теории своего гуру:

«О неготовности Германии к нападению на СССР Голиков исходил из информации, которую он лично получал от своей резидентуры ГРУ в Европе. Ей было поручено вести наблюдение по двум направлениям. Во-первых, вести сбор о ценах и количестве закупленных баранов на рынках Европы, ибо если бы Германия планировала вскоре начать войну против СССР, то Гитлеру пришлось бы отдать указание на пошив около 6 млн тулупов»⁹.

Получив якобы такое задание, резиденты ГРУ перестали считать немецкие войска и бросились отслеживать немецких баранов:

«Всем резидентам ГРУ было приказано следить за баранами, внедрить свою агентуру во все ключевые организации, прямо или косвенно связанные с “бараньей проблемой”»¹⁰.

Резун выдумал эту глупость, чтобы чем-то подкрепить свою теорию. Но его титулованные ученики, допущенные во все архивы, могли посмотреть, есть ли там свидетельства, что такой вопрос не то что ставился во главу угла, а хоть кого-либо в СССР интересовал? А «Богданыч» на базе высосанной из пальца посылки делает свой второй фундаментальный вывод: *если в июне месяце немецкая дивизия не имеет 15 000 дубленок, то для Голикова и Сталина она к войне однозначно не готова*. А коль все дивизии в разгар лета без тулупов, то и сосредоточенный у границ СССР вермахт на 22 июня полностью небоеспособен:

«Была только концентрация огромного количества германских войск. Голиков же приказал принимать во внимание не все германские дивизии, а только те, которые готовы к вторжению, т.е. такие дивизии, каждая из которых на своих складах имеет по 15 000 бараньих тулупов. Таких, готовых к войне дивизий во всем вермахте не было»¹¹.

Там же. С. Можно ли придумать большую глупость? Большую, может, и трудно, но подобную – можно. Поскольку для устойчивости двух опор мало, после баранов «отец превентивности» переходит к третьей фундаментальной мысли, третьему киту, на котором зиждилась его теория:

«Во-вторых, из Германии в СССР переправлялись зажигалки, керосиновые лампы, примусы с дизельным топливом, а также тряпки, пропитанные смазочными веществами, используемые в немецкой армии для чистки стрелкового оружия.

Лабораторные исследования показали, что немецкая армия не перешла на зимние марки горюче-смазочных веществ... Основываясь на этой информации, Голиков делал вывод, что Гитлер еще не готов к наступлению на СССР, и поэтому не придавал значения другим разведывательным данным, получаемым по линии разведки Главного управления пограничных войск»¹².

Почему глава советской разведки вдруг перестал придавать значение «*другим разведывательным данным*»? Видимо, перед тем как те тряпки отдать в лабораторию, Голиков лично обнюхивал их на предмет наличия зимних марок ГСМ. И после длительного вдыхания паров бензина у него, надо полагать, съехала крыша. Только по этой причине *начальник ГРУ мог*

считать, что в мае-июне боевую технику переводят на зимние виды горюче-смазочных материалов.

Другие примеры, не столь принципиальные, но подчас не менее глупые, можно отыскать почти на любой странице исторических трудов В. Суворова. Про два миллиона десантников, сто тысяч самолетов-агрессоров, автострадные танки, сбрасывающие гусеницы при вступлении в Германию, и тому подобное. Вот тут годятся и книги Исаева с Помогайбо – разумеется, после исключения оттуда элементов дремучей хрущевщины.

Но это не значит, что в книге «Ледокол» исключительно одни глупости и ее не следует читать. Подтверждая свою теорию, Резун с достойным уважением упорством накопил массу свидетельств об интенсивной подготовке весной-летом 1941 года Советского Союза к отражению агрессии Германии. А здесь он постарался! Наверное, никто столь красочно не показал, как Сталин и Тимошенко, оголяя другие направления и вычищая от войск округа в центре страны, стягивали в мае-июне все силы на запад против надвигающейся немецкой агрессии. Пером публициста Резун живописал процесс выполнения в мае-июне 1941-го плана стратегического развертывания Вооруженных сил СССР для отражения германского нападения.

Правда, стремясь надежнее подкрепить свою теорию, он не удержался, чтобы и тут не приврать. Но даже с учетом этого его материал в пух и прах разбивает хрущевско-жуковские измышления, что Сталин не верил в гитлеровское нападение и запрещал приводить войска в боеготовность.

Только все его выдумки о «превентивном нападении», «ледоколе революции» и прочие глупости надо выбросить, оставив только собранные им факты подготовки к войне. А использовать их, так сказать, с обратным знаком: *руководство СССР видело, что Гитлер вот-вот нападет, и готовилось к отражению удара.*

Тем не менее при всей глупости «теории превентивности» надо сказать пару слов в оправдание ее сторонников. Ведь многие из них вменяемы и способны воспринимать факты и логику. Просто в свое время их загнала в угол ложь антисталинской пропаганды, начатой Хрущевым и Жуковым. В самом деле – если Сталин не предполагал нападения Германии, то зачем тогда стягивал к немецкой границе десятки дивизий Красной армии?! И вот открывают читатели Резуна труды историков-хрущевцев, от Анфилова до Исаева с Помогайбо, чтобы найти ответ на свой вопрос, а там черным по белому писано: *«Сталин не верил в возможность нападения Германии и запрещал приводить войска в боевую готовность»*. Приехали! После такого ответа – прямиком только на крючок пресловутому «Богданыху».

При подготовке книги автору приходилось общаться со сторонниками теории «превентивности» и слышать возражения на предъявленные им факты и аргументы. Из всех возражений наиболее разумным было следующее: возможно, Сталин хотел разбить Германию молниеносно, за один-два месяца, до того как Япония сможет реально вступить в войну, а затем разгромить и саму Японию.

Это хоть дохлый, но все же довод. Его мы рассмотрим, когда будем исследовать интересующие нас и не замеченные ранее особенности советских военных планов. И не столько для убеждения «резуновцев», а чтобы понять, как именно менялись военные планы СССР в зависимости от изменения международной обстановки. Ведь за последний предвоенный год военно-политическая обстановка вокруг него поменялась несколько раз самым радикальным образом! А все вместе это поможет понять уникальную по своей опасности ситуацию предвоенных дней июня 1941 года, из которого сумело выбраться руководство СССР.

Адвокат для СССР

Но какая Гитлеру разница, будет с нашей стороны повод для провокаций или нет? Если немцы хотели выставить нас агрессором, им ничего не стоило самим устроить любую провокацию. Как они легко это сделали в 1939 году на своей территории, когда эсэсовская команда захватила радиостанцию в немецком городе Гляйвиц, а нападавшими объявили поляков. И население Германии в это поверило.

Да, немцы могли и, наверняка, хотели бы нечто подобное проверить и в отношении СССР. Но теперь Гитлеру с Геббельсом надо было убеждать не только родных немцев, безоглядно верящих фюреру. Поскольку теперь, помимо желания, у них появилась огромная проблема, в этот раз провокацию следовало выполнять идеально, без сучка и задоринки, причем в крупном масштабе. Чтобы те силы на внешней арене, которым она предназначалась, поверили ей на все 100 процентов.

Дело в том, что к лету 41-го у СССР появился строгий и пристрастный защитник, которому уже нельзя было пустить пыль в глаза халтурой типа Гляйвица. Защитник, которому в своих жизненно важных интересах непременно требовалось установить правду и который фактически *нотариально обязан был засвидетельствовать подлинность или ложность акта советской агрессии против Германии*. Как ни странно, этим защитником стал... наш старый враг и главный союзник Германии по Тройственному пакту – милитаристская Япония!

Чтобы понять столь парадоксальный момент, необходимо уяснить особенности взаимоотношений Германии и Японии к июню 1941 года. Точнее, что сделал в лагере наших врагов заключенный 23 августа 1939 года советско-германский пакт о ненападении. Многим сейчас это трудно разглядеть из-за огромного объема грязи, вылитой на советскую сторону и лично Сталина по этому случаю. Эта злоба понятна: пакт испортил малину почти всем без исключения врагам СССР.

В сентябре 1938 года в немецком городе Мюнхен состоялась знаменитая конференция с участием глав правительств Англии, Франции, Италии и Германии. На ней была решена участь Чехословакии, которую фактически отдали в руки Гитлера. Ее союзники – Франция и поддерживающая ее Англия, подталкивая Гитлера к агрессии против СССР, предали Чехословакию, и с их согласия Гитлер оккупировал часть чешской территории. Советский Союз и Чехословакия на конференцию допущены не были. В тот момент Гитлеру еще требовались конференции для осуществления своих притязаний. Но 15 марта 1939 года уже без согласования с западными державами и в нарушение даже прогитлеровских мюнхенских соглашений Германия внезапно полностью оккупировала Чехословакию. Часть ее территории – Тешинскую область – успела отхватить соседняя Польша.

Обеспокоенные наглостью вышедшего из-под контроля Гитлера, Англия и Франция в ответ дали свои гарантии неприкосновенности Польше, к которой Германия тоже имела ряд претензий. После этого в апреле 1939 года уже неуправляемый Гитлер разорвал с Польшей пакт о ненападении, а вслед за этим – и договор с Англией об ограничении морских вооружений. На очереди встала война Польши с Германией. Для западных держав, до тех пор потакавших Гитлеру в стремлении направить его агрессию против СССР и опрометчиво давших гарантии Польше, начало пахнуть возможностью их собственной войны с Германией.

Англия и Франция вынуждены были начать переговоры с СССР для заключения договора о противодействии гитлеровской агрессии. Однако с самого начала это был, во всяком случае со стороны Англии, заведомый обман партнера – СССР.

Подготовка к переговорам и обмен мнениями шли почти все лето. 12 августа в Москве начались переговоры военных делегаций СССР, Англии и Франции. Английские представители получили установку своего правительства – тянуть время, но договора не заключать. Тех-

нически это было сделано следующим образом: принимая предложения СССР по второстепенным пунктам, они блокировали решение главного вопроса, без которого договор для СССР не имел смысла. В итоге, все в такой принципиальный вопрос и уперлось: это согласие польского правительства на пропуск войск Красной армии через территорию Польши при нападении на нее Германии.

Заключать договор без положительного решения этого вопроса Советскому Союзу было невозможно.

Если немцы нападают на Польшу, то по условиям обсуждаемого договора СССР объявлял Германии войну и начинал против нее боевые действия. Но у нас не было общих границ с немцами; между нами лежала Польша. Советскому Союзу жизненно важно было остановить немцев как можно дальше к западу, для чего следовало вступить с ними в бой на польской территории. В связи с отказом поляков пропустить войска Красной армии тут появились два варианта.

Можно было подождать, когда немцы оккупируют всю Польшу, выйдут к нашим границам, и тогда начинать с ними воевать. Но в 1939 году линия границы проходила на 250–400 километров восточнее, чем 22 июня 1941 года. В таком случае воевать с немцами мы начинали, когда они выходили уже непосредственно на подступы к Минску, Киеву и, возможно, Ленинграду. Разумеется, для нас это было неприемлемо.

Но можно было, после вторжения немцев в Польшу, двинуть свои войска навстречу немцам по ее территории без разрешения польского правительства. Однако вступление иностранных войск в Польшу без согласия ее правительства – это агрессия и автоматически война с нею! Получается, чтобы защитить Польшу вопреки желанию ее верхушки, нам надо было начать с ней войну! Но в этом случае войну Советскому Союзу сразу же объявляли ее гаранты – Англия и Франция! А в этом сомневаться не приходилось, поскольку во главе их стояли патологические антикоммунисты и непримиримые враги СССР. Вдовесок к этому войну СССР объявляла и Румыния, которая имела совместный договор с Польшей на случай нападения СССР.

Но это еще не конец возможным сюрпризам.

Если бы советско-германского пакта еще не было, то в первые дни немецкого нападения при вступлении советских войск на ее территорию Польша могла договориться о замирении с немцами, которые могли купить такой мир обещанием компенсировать ей убытки за счет СССР (поскольку он был очень большой, там хватало на всех).

Могло ли польское правительство объявить войну СССР в тех условиях, когда большая часть Польши еще находилась под его контролем? Вполне! Через два месяца, когда СССР вернул Литве отнятую у нее Польшей еще в 1921 году Виленскую область, новое польское правительство в эмиграции (старое было интернировано в Румынии), уже потеряв всю страну, находясь в состоянии войны с Германией, то есть в несравнимо худших условиях, сочло возможным объявить войну Советскому Союзу! Ясно при этом сознавая, что ни одна страна мира, кроме СССР, никогда Польшу от немцев освободить не сможет!

В итоге СССР оказывался в состоянии войны на западе одновременно с Германией, Польшей, Англией, Францией и Румынией, а на востоке, в Монголии, у него еще с начала лета такая война с Японией уже шла!

Правда, могут возразить, что когда утром 17 сентября 1939 г. советские войска вступили на территорию Польши, то ни польское правительство, ни Англия с Францией войну СССР не объявили, а поляки с немцами не замирились.

Но в тот момент ситуация уже радикально отличалась от существовавшей до 23 августа 1939 г.

17 сентября с СССР у Германии уже был твердый пакт, который она демонстративно, подчеркнуто строго соблюдала. В дополнение к этому Германия находилась в состоянии войны с Англией и Францией. А самого польского государства на тот момент уже не существовало

(большая часть Польши была оккупирована Германией), а самое главное, объявлять «Советам» войну физически стало некому. Потому что в ночь на 17 сентября ее правительство сбежало в соседнюю Румынию, где было интернировано, бросив страну и армию на произвол судьбы, безо всякого руководства.

А до 23 августа 1939 такая ситуация, когда СССР мог оказаться в состоянии войны одновременно с Германией, Польшей, Англией, Францией, Румынией и Японией, была вполне реальной. Заключать договор без пункта, отсутствие которого вело к столь кошмарной перспективе, могли только идиоты, которых в руководстве СССР тогда не было.

Многие в Европе тогда прикидывали, с кем и в какой кампании они будут ошипывать одинокий Советский Союз. Вполне вероятно, что финны на переговорах с СССР отказывались от весьма выгодных для них предложений и упорно вели дело к войне именно по этой причине: рассчитывали урвать свой кусок, когда у СССР начнутся крупные неприятности. И только этим можно объяснить абсурдную позицию поляков, которые, видя неизбежность немецкого нападения и неготовность к войне Англии с Францией, отказались от помощи СССР, оставаясь один на один с Германией.

Таким образом, Польша пропустить советские войска категорически отказалась. Но даже при всей упертости польской шляхты, определяющейся ее патологической русофобией, все же преодолеть ее сопротивление в той ситуации было вполне возможно. Если бы Англии нужен был тот договор, о котором она говорила в Москве, то она могла вынудить Польшу быстро решить вопрос – *угрозой снять свои гарантии и оставить поляков один на один с Гитлером*. Но в Англии делать это категорически отказались, оправдавшись тем, что, дескать, страна это независимая, а поляки – народ гордый, и британцы ничего с ними поделать не могут. Кратко, но емко оценку той ситуации дал У. Черчилль:

«Военное совещание (в Москве. – Г.С.) вскоре провалилось из-за отказа Польши и Румынии пропустить русские войска. Позиция Польши была такова: *“С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими – нашу душу”*»¹³.

Спасая отказом от союза с русскими свою душу, поляки предпочли положить Польшу под немцев и погубить в войне около 9 млн своих соотечественников. Как выглядит польская душа, еще никто не видел, а вот итог подлой деятельности их верхушки мир долго подсчитывал уже после 9 мая 1945 года. Не будь отказа поляков на пропуск советских войск – скорее всего, не было бы и Второй мировой войны. Именно поляки вместе с Чемберленом несут ответственность за провал последней попытки ее предотвращения.

Как известно, главным победителем гитлеровской Германии стал Советский Союз. Но, оказавшись он одиноким в состоянии войны с указанными державами, все наверняка оказалось бы совсем иначе. Поэтому те, кто обличает Сталина за пакт с Германией, фактически до сих пор упрекают его в том, что он не стал ломать себе шею, спасая не нужную даже самому польскому правительству Польшу, и в итоге не подставил Гитлеру Советский Союз, а вместе с ним и весь мир.

К 20 августа 1939 г. на трехсторонних переговорах в Москве сложилась очень пикантная ситуация. В то время как союзники пытались держать руководителей СССР за простаков, из донесений разведки Сталин был отлично осведомлен о такой установке британского правительства. В Англии работал ряд первоклассных советских агентов, имевших достоверную информацию из ее высших правительственных кругов. Одним из них, к примеру, был шифровальщик британского МИДа, «сидевший» на шифропереписке с посольствами¹⁴.

Поэтому держать Сталина за дурачка, когда на столе у него рядом с официальными предложениями английской делегации лежали донесения агентов об истинной подоплеке этих предложений, англичанам не удалось.

Параллельно с московскими англичане по нескольким каналам вели тайные переговоры о договоре также и с немцами, и в Москве знали об этом даже без секретных агентов¹⁵. Английская верхушка готовила с Германией второй Мюнхен, но теперь уже за счет Польши. Поскольку старый мюнхенский курс Чемберлена, потворствовавшего Гитлеру, в Англии устраивал далеко не всех, то в июле там случился громкий скандал с разоблачением цели переговоров, и чемберленовцы вынуждены были публично оправдываться по этому поводу.

Но к двадцатым числам августа в ситуации вокруг Польши наступил момент кульминации. Все видели, что немцы начнут войну с ней в любом случае и сделают это со дня на день. (Они должны были начать ее 25 августа, но буквально за несколько часов до срока перенесли это на первое сентября.) В тот момент Гитлер был хозяином положения, имея беспримысленный выбор: он мог заключить пакт либо с Англией, либо с Советским Союзом, и тем самым в предстоящей войне с Польшей исключить из числа противников как минимум одну из великих держав.

Сейчас всем хорошо известно, что 20 августа он направил экстренное предложение в Москву – принять 22 августа (*но не позднее 23 августа!*) своего министра иностранных дел Риббентропа для срочного заключения договора о ненападении. Но мало кто знает, что *на случай отказа из Москвы в Берлине одновременно с этим второй человек рейха и преемник фюрера – Г. Геринг – с той же целью готовился вылететь в Англию!* 21 августа 1939 г., когда на Халхин-Голе советские войска сражались с союзниками Германии по Антикоминтерновскому пакту – японцами, английский посол в Берлине Н. Гендерсон докладывал в Лондон:

«Приняты все приготовления для того, чтобы Геринг под покровом тайны прибыл в четверг 23-го. Замысел состоит в том, чтобы он совершил посадку на каком-либо пустынном аэродроме, был встречен и на автомашине отправился бы в Чекарс. В это время прислуга будет отпущена, а телефоны отсоединены. Все идет к тому, что произойдет драматическое событие, и мы ждем лишь подтверждения с немецкой стороны»¹⁶.

Это был узловой момент истории: если бы Риббентропа 22 августа отказались принять в Москве, то 23 августа Лондон встретил бы преемника фюрера Г. Геринга. И вместо пакта Молотова – Риббентропа мир получил бы пакт Геринга – Галифакса. Эти сутки предрешили дальнейший ход мировой истории и фактически определили расклад сил во Второй мировой войне: антигитлеровскую и, соответственно, гитлеровскую коалиции. И надо сказать, что при всем том, что Гитлер был выдающимся государственным деятелем и сумел добиться исключительной мощи своего государства, в конечном итоге его коалиция в сравнении с противостоящей выглядела откровенно убогой.

Но это станет ясно потом, а в тот момент Гитлер вроде бы ничего не терял: если в Москве 22 августа отказывались принять Риббентропа, то 23 августа в Лондон прилетал Геринг. И тогда, в самый последний момент перед нападением Германии на Польшу, Англия заключила бы пакт с Германией, а Советский Союз остался бы один на один с кучей врагов. (В этом очередная подлость клеветников: они умалчивают тот факт, что у Сталина не было другого выхода. И его исключительная заслуга в том, что он сумел извлечь для СССР максимум выгоды из той ситуации.)

Повторю, при любом варианте в войне с Польшей Гитлер наверняка исключал из числа своих противников кого-то из великих держав: либо СССР, либо целый блок Англии с Францией. Впрочем, он в любом случае не предполагал, что предававшая всех во имя своей безопасности Англия объявит ему войну. (Поскольку сказать кратко об этом – значит рисковать быть непонятым или понятым превратно, а полностью осветить здесь тему не представляется возможным ввиду ее значительности, то за подробностями отсылаю читателя к книге Ю. Мухина «Крестовый поход на Восток»¹⁷.)

И в этот момент, когда многие европейские политики уже предвкушали, как они смогут поживиться за счет СССР, Сталин оставил этих ушлых деятелей с носом. Заключение 23 августа советско-германского пакта означало, что воевать будет не одинокий Советский Союз против всех сразу, а его европейские враги между собой.

Это то, что хотели европейские противники СССР и что они получили. Теперь надо пояснить, на что рассчитывала и что реально получила от Германии ее союзница по Антикоминтерновскому пакту Япония. Напомню, что к тому времени она уже два месяца вела горячую войну с СССР на территории Монголии. Японцы абсолютно вправе были рассчитывать, что именно в столь трудный для СССР момент Германии выгоднее всего начать с ним войну и что нападение Германии на Польшу неизбежно приведет к советско-германской войне. А по примеру зловещего Мюнхена Япония могла быть абсолютно уверенной, что Германия и на этот раз легко договорится о мире с западными державами (ведь англо-германские переговоры велись почти открыто), а их общий враг – СССР – в итоге опять окажется в полной изоляции.

Мало того, Япония имела давние и тесные связи с поляками еще со времен молодости ее вождя-основателя Ю. Пилсудского, когда тот предложил японцам шпионить против России и получил от них на это деньги¹⁸. Затем все 20–30-е годы над СССР висела угроза войны на два фронта – с Японией и европейской Малой Антантой, где главную роль играла Польша (войны даже с таким, отнюдь не самым сильным составом противников, руководство СССР чрезвычайно опасалось и всеми силами старалось не допустить). А перед самой войной, по свидетельству В. Шелленберга, японцы даже за своими союзниками-немцами шпионили с помощью тех же поляков. Совершенно очевидно, что Япония прекрасно была осведомлена от них, что те ни за что не согласятся пропустить Красную армию через свою территорию. Японцы знали, что по этой причине у СССР нет и малейшего шанса заключить с англо-французами договор в нужном для себя ключе. Поэтому руководство Японии имело все основания для уверенности, что через Польшу Германия без остановки пойдет дальше, на Советский Союз, и тот окажется в тисках губительной войны на два фронта.

И при столь обнадеживающем раскладе тем неожиданней и обидней Японии было получить от союзных немцев, как говорится, удар «под дых». Не веря своим глазам, японцы обнаружили, что Германия заключила с СССР не только пакт о ненападении, но и вскоре договор о дружбе, которые она тогда на глазах у всех демонстративно, подчеркнуто строго соблюдала. А сами немцы в 1939 году увязли в войне с западными державами, конца которой пока не предвиделось.

В такой ситуации одной Японии продолжать войну против Советского Союза стало невозможно. Оставшись без поддержки немецкого союзника, получив по зубам на Халхин-Голе, имея за спиной затяжную войну в Китае, ей ничего не осталось, как прекратить боевые действия и заключить с СССР перемирие.

Ввиду такого вероломства Япония выразила Германии резкий протест, а ее правительство, проиграв войну и получив звонкую пощечину от немцев, вынуждено было уйти в отставку.

После такого предательства немцы уже не могли рассчитывать на то, что японцы безусловно поддержат Германию во всех ее авантюрах против СССР.

Вследствие столь крутого поворота событий в Европе Японии пришлось окончательно переориентироваться на агрессию в южном направлении, против владений Франции, Голландии, Англии и США. В связи с чем она, даже с некоторым нетерпением, заключила в апреле 1941 года с СССР собственный пакт о нейтралитете. Последствия этого пакта (о нем мы еще будем говорить) трудно переоценить. *Он документально зафиксировал окончательный отказ Японии от нападения на СССР и предопределил американо-японскую войну.*

Таким образом, пакт с Германией предотвратил в 1939 г. войну СССР с целым блоком государств, включая Германию и Японию, рассорил их как союзников, предопределил появле-

ние советско-японского пакта и, следовательно, предотвратил нападение Японии на СССР. В свою очередь, эти события предопределили нападение Японии на США и Англию и появление у нас столь могущественного союзника, как США.

Даже несмотря на заключение впоследствии Тройственного пакта (который был уже скорее оборонительным, чем наступательным), взаимодействие немцев и японцев как союзников пошло под уклон и до самого конца Второй мировой войны было уже попросту безобразным. Стратегическое взаимодействие СССР с США и даже Англией, несмотря на ряд предательских действий Черчилля и созданные им трудности со вторым фронтом, было на порядок эффективнее. Достаточно вспомнить два примера.

В июле 1943 г., в момент кульминации Курской битвы, союзники высадились в Сицилии. Спасая союзную Италию, Гитлер вынужден был перебросить туда с Курской дуги несколько своих дивизий. А в июне 1944 года уже союзники сначала высадились во Франции. Дав немцам с головой втянуться в сражение с ними в Нормандии, Красная армия через две недели нанесла по вермахту сокрушительный удар в Белоруссии, в результате которого была уничтожена группа армий «Центр». В конечном итоге союзники по антигитлеровской коалиции победили немцев и японцев фактически поодиночке.

А теперь посмотрим, как этот разлад в стане агрессоров отразился на теме «провокаций». *Советско-германский пакт расстроил отношения Германии с Японией как союзников, и они уже действовали каждый сам по себе, в соответствии только со своими планами.* Таким образом, признай Япония какую-либо немецкую аферу на советско-германской границе за агрессию СССР против Германии, ей пришлось бы бросать свои собственные планы и начинать по желанию немцев воевать за их интересы. *Признание провокации немцев за советскую агрессию оборачивалось для Японии непомерной ценой – втягиванием в большую войну с СССР, которой японцы тогда уже не хотели.* Вот почему истинность любого обвинения Советского Союза в нападении на Германию и, соответственно, признание его агрессором немцы обязаны были, безо всякой иронии, фактически нотариально заверить у японцев, и халява им здесь уже не светила.

Тем не менее руководству СССР, и прежде всего командованию РККА, следовало помнить: хоть это был наш очень хороший шанс, но все же не стопроцентная гарантия, что Япония не захочет однажды пойти на поводу немецких провокаторов. В Японии оставалась сильная партия сторонников «северного», т.е. против СССР, варианта агрессии. И никто не мог гарантировать, что в один нехороший день эта партия не возьмет там верх.

Поэтому перед командованием Красной армии по-прежнему стояла задача не создать такую провокацию своими неосторожными действиями. А это уже зависело только от него самого, а не от желаний немцев. И оно тщательно позаботилось, чтобы исключить возможность ее появления по вине своих войск. Наверное, именно поэтому Гальдер записал в своем дневнике, что советская сторона не сделает немцам такого подарка, чтобы первой напасть на Германию. А за десять дней до войны НКВД СССР и немцам сильно урезал возможность провести такую провокацию. В те дни на территории прибалтийских республик, западной Белоруссии и Бессарабии (а в западной Украине против ОУН она началась еще 22 мая) была проведена широкомасштабная операция по очистке приграничной зоны от «пятой колонны» – гитлеровской агентуры, местных нацистов и их возможных помощников. Хотя всю вражескую сеть уничтожить не смогли (особенно в Белоруссии, где такая операция началась слишком поздно, 19 июня 1941-го, что потом нам дорого обошлось), но ей нанесли серьезные потери и в какой-то мере нарушили управление оставшимися силами.

Все это вместе взятое и предопределило, что при наличии столь агрессивного и решительного союзника, как Япония, немцам в войне с СССР пришлось рассчитывать только на свои силы. Силы огромные, но не беспредельные.

Март 1941 г. – все еще война на два фронта

Еще в 20–30-е годы в СССР были разработаны, а затем почти ежегодно уточнялись и дополнялись два основополагающих документа, определяющие действия вооруженных сил и всего государства на случай войны. Первый – это план подготовки и ведения военных действий в начале войны, официально называемый *Планом стратегического развертывания Вооруженных Сил*. Поскольку нарком обороны, докладывая Сталину очередной его вариант, обычно начинал письмо словами: «Докладываю на Ваше рассмотрение соображения об основах стратегического развертывания ...», то зачастую в исторической литературе его так и называют – «Соображения» с добавлением даты разработки плана. К примеру, «Соображения от 15 мая 1941 г.». Для краткости мы будем называть его просто *Планом развертывания*. И второй фундаментальный документ, который обеспечивал его людскими и материальными ресурсами, – это Мобилизационный план.

В свою очередь, План развертывания включал в себя ряд составных частей, из которых главными были следующие:

- план сосредоточения войск;
- оперативный план ведения боевых действий в начале войны (его еще называют «планом первых операций»);
- план прикрытия на период отмобилизования и сосредоточения войск.

Летом – осенью 1940 года военно-политическая обстановка на западных границах СССР резко изменилась. Германия разгромила все противостоящие ей западноевропейские государства, и теперь в Европе осталась единственная достойная цель, оправдывающая содержание ее гигантской армии, – СССР. Полностью изменилась западная граница Советского Союза: в его состав вошли три прибалтийских государства, Бессарабия, Северная Буковина, западные области Украины и Белоруссии. Наконец, у восточных и западных границ СССР был создан враждебный ему могущественный Тройственный пакт.

В связи с этим действовавший к лету 1940 г. в СССР План развертывания сразу устарел, и следовало срочно разрабатывать новый. В сентябре – октябре 1940 г. такой план был разработан, после уточнений 14 октября одобрен Сталиным и вступил в силу¹⁹.

После его прочтения не может быть сомнений, что своих целей в войне СССР намеревался добиться исключительно наступлением. Впрочем, для этого даже не обязательно читать такие важные документы. Тогда это говорилось совершенно открыто – могучим ударом, малой кровью разобьем врага на его территории. Но при одном условии – *если враг сам развяжет против нас войну*.

Ставка на наступление естественна: обороной победы в войне не добьешься. Да и любое крупное государство тоже предполагало добиваться победы наступлением. Даже Франция, которая намеревалась отсиживаться за линией Мажино, и та предполагала это делать только до 1942 года, когда, по ее расчетам, в войну вступит Америка. И уж потом громить немцев вместе с союзниками.

У СССР линии Мажино в запасе не было, равно как и дружественной на тот момент Америки.

План исходил из того, что в будущей войне Советский Союз вынужден будет воевать на два фронта:

«Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на Востоке – против Японии как

открытого противника, или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение»²⁰.

План специально не рассматривает, кто и как начнет войну, но, судя по его смыслу, однозначно предполагалось, что войну начнут немцы. К примеру, в плане сразу закладывается, что в начале войны, во время стратегического развертывания вооруженных сил, Советский Союз будет существенно уступать немцам в его сроках. А начинать войну самим и при этом уступить противнику в развертывании своей армии – бессмысленно. Ну и напомним главное: только что *Япония и Германия заключили договор, по которому они обязались начать войну против того, кто нападет на одного из союзников.*

Планом подразумевалось, что стратегическое развертывание германских и советских вооруженных сил начнется практически одновременно. Почему – также не разъяснялось. Но это и так понятно: кто бы первым ни начал стратегическое развертывание, скрыть его от противника будет практически невозможно.

Тогда в Польше еще не было главных сил вермахта, и предполагалось, что немцам для полной готовности к нападению понадобится от 10 до 15 дней от начала развертывания:

«Примерный срок развертывания германских армий на наших западных границах – 10–15-й день от начала сосредоточения»²¹.

После чего немцы, как ожидалось, предпримут следующие действия:

«Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы к северу от устья р. Сан с тем, чтобы из Восточной Пруссии через Литовскую ССР нанести и развить главный удар в направлениях на Ригу, на Ковно и далее на Двинск – Полоцк, или Ковно – Вильно и далее на Минск.

Одновременно необходимо ожидать вспомогательных концентрических ударов со стороны Ломжи и Бреста, с последующим развитием их в направлении Барановичи – Минск.

Развитие операции на Ригу будет сочетаться: 1) с высадкой десантов на побережье Балтийского моря... 2) с захватом Моонзундского архипелага и высадкой на территории Эстонской ССР...»²².

Как уже отмечалось, план учитывал, что с самого начала советская сторона *существенно проиграет* немцам по срокам сосредоточения своих войск, а именно две-три недели:

«...при настоящей пропускной способности железных дорог юго-запада сосредоточение главных сил армий фронта может быть закончено лишь на 30-й день от начала мобилизации, только после чего и возможен будет переход в общее наступление для решения поставленных выше задач»²³.

Здесь следует заметить, что вообще-то имелось два варианта этого плана, которые предусматривали два способа отражения немецкого нападения. Так называемый «северный вариант» предусматривал, что наши главные силы, предназначенные для контрнаступления после того, как силы прикрытия остановят немцев, будут сосредоточены севернее бассейна реки Припять, а «южный» – соответственно, южнее этой реки. Но поскольку накануне войны южный вариант был принят за основной и командование РККА руководствовалось именно им, то и мы далее будем рассматривать этот вариант.

Такой проигрыш в сроках сосредоточения совершенно исключал не только внезапное нападение на Германию (что в принципе невозможно из-за гигантских масштабов подготовки такого мероприятия), но и просто первыми переход в наступление в начавшейся войне. Поэтому в сценарий будущей войны сразу закладывалось, что в ее начале, в течение первых 15–20 дней, противник будет иметь стратегическую инициативу и наступать, нанося удары в

направлении Минска, Риги, Двинска и Киева. Наши войска в эти 2–3 недели должны были активно, с нанесением контрударов, обороняться, прикрывая сосредоточение главных сил Красной армии:

«В течение 20 дней сосредоточения войск и до перехода их в наступление армии – активной обороной, опираясь на укрепленные районы, обязаны прочно закрыть наши границы и не допустить вторжения немцев на нашу территорию»²⁴.

И лишь закончив – причем не полностью, а в основном – сосредоточение, Красная армия должна начать свое наступление:

«...днем перехода в общее наступление должен быть установлен 25-й день от начала мобилизации, т.е. 20-й день от начала сосредоточения войск»²⁵.

Разработанный же на основе этого плана оперативный план Киевского военного округа, где должен был наноситься главный удар советского наступления, назначал готовность наступления еще позже – на 30-й день от начала мобилизации. А все части должны были полностью сосредоточиться к границе еще позже – через 35–40 дней после начала мобилизации²⁶.

Итак, положим, война с Германией началась, силы прикрытия РККА отбили первый удар немцев, и после месячного сосредоточения Красная армия перешла в стратегическое наступление, предусмотренное Планом развертывания. Главный удар должен был наноситься Юго-Западным фронтом при поддержке левого крыла Западного фронта. Однако, несмотря на привлекаемые к наступлению огромные силы, его цели в плане ставились вовсе не глобальные: нанести решительное поражение Люблин-Сандомирской группировке и выйти на реку Висла. В дальнейшем предполагалось нанести еще один удар в направлении Кракова и выйти к р. Тесла и верхнему течению реки Одер²⁷. Это где-то от 200 до 300 километров от границы, а итогом его был захват примерно половины оккупированной немцами польской территории. Такой цели предполагалось достичь на 30-й день наступления²⁸.

План полагал, что с началом германо-советской войны против СССР почти наверняка выступит и Япония. Исходя из этого, против нее тоже планировались активные действия, с целью разгрома в первый месяц войны первого эшелона японской армии до того, как она успеет полностью отмобилизоваться:

«Пользуясь в начальный период войны превосходством сил и возможностью разгромить японцев по частям, немедленно, после окончания отмобилизования и сосредоточения войск, перейти в общее наступление, разгромить первый эшелон японских войск и выйти на фронт Таонань, Цицикар... Дуннин»²⁹.

Это уже решительнее, чем против Германии, но тоже отнюдь не полный разгром не то чтобы всей Японии, а даже Квантунской армии: продвижение планировалось на 250–350 км от границы. И только в последующем достаточно неопределенно указывалось – иметь в виду действия по разгрому главных сил японской армии и захват северной Маньчжурии. О захвате всех оккупированных японцами территорий, включая Корею, в плане ничего не говорилось.

Итак, в начальный период войны полный разгром как Германии, так и Японии не планировался, а впереди для СССР открывалась безрадостная перспектива затяжной войны на два фронта. Но выбирать не приходилось: ведь враг развяжет эту войну против нашего желания, и деваться тут некуда. Самим же развязывать безнадёжную войну на два фронта в СССР желающих не было. Сейчас же обращаю внимание читателей на следующий *важный факт*: для операций против Японии по плану выделялись 34 дивизии и 8 бригад – всего 42 соединения РККА. Запомним это число. В их состав должны были войти 5741 танк и 3347 самолетов³⁰.

В связи с существенным изменением организационно-штатной структуры войск и принятием нового мобилизационного плана в марте 1941 года был разработан новый «План стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и Востоке»³¹. Из доступных сведений ясно, что по сути он повторял план развертывания 1940 года с поправкой на новое штатное расписание Красной армии (формирование новых механизированных корпусов, создание танковых и моторизованных дивизий вместо соответствующих бригад и т.п.).

Поэтому его основные цели и задачи остались прежними. *Война на два фронта опять считалась практически неизбежной*. И вновь особо подчеркнем, что при вступлении Японии в войну на стороне Германии *против Японии по-прежнему планировались активные действия и ставились те же, достаточно решительные задачи*:

«На востоке должны быть оставлены такие силы, которые позволили бы уничтожить первый эшелон японской армии до сосредоточения 2-го эшелона и тем создать устойчивость положения»³².

Как и раньше, для Дальнего Востока назначались практически такие же силы, что и в плане 1940 года: 37 дивизий и 3–4 бригады, всего 40–41 соединение (раньше, напомним, предполагалось использовать против Японии почти те же 42 соединения).

И здесь вновь следует обратить особое внимание читателей на то, что *в составе дальневосточной группировки Красной армии против японцев намечалось задействовать в том числе 13 (запомним и это число!) бронетанковых соединений – то есть танковых и моторизованных дивизий*, которые считались главной ударной силой сухопутных войск в наступлении. Фактически это было полное повторение замыслов плана 1940 года, где главная ставка делалась на техническое превосходство (которое предполагалось, прежде всего, в танковых войсках):

«...В первый период войны, пользуясь своим превосходством в технике, разбить противника по частям и овладеть Северной, а затем и Южной Маньчжурией»³³.

Еще раз повторю, в мартовском плане 41-го года ставка на превосходство в танковых войсках полностью сохранилась. Предполагалось, что к концу первого месяца войны у японцев будет около 30 пехотных дивизий, почти 1200 танков и около 3000 самолетов³⁴. То есть при незначительном превосходстве в количестве дивизий и самолетов решающее превосходство у СССР было в танках, и его предполагалось немедленно реализовать для достижения цели первого этапа войны – разгрома первого эшелона и овладения территорией северной Маньчжурии.

Итак, выделим общие существенные особенности планов стратегического развертывания октября 1940 и марта 1941 года, которые пригодятся нам чуть ниже:

- война на два фронта – на Западе и Востоке – считалась практически неизбежной;
- полного разгрома вооруженных сил Германии и Японии планы не предполагали;
- исходя из этого, тем более не ставилось задач разгрома этих государств и вывода их из войны в ее начальный период;
- вступление Японии в войну с СССР считалось неизбежным, *в связи с чем против нее планировались активные наступательные действия*;
- для этого против Японии планировалось сосредоточить 40 дивизий, включая *13 бронетанковых*.

«Соображения от 15 мая» – война на один фронт!

7 апреля 1941 года в Москву прибыл министр иностранных дел Японии Е. Мацуока, а 13 апреля был подписан советско-японский пакт о нейтралитете. Статья вторая договора гласила:

«В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта»³⁵.

Для СССР это положение означало следующее: *если Германия сама нападет на СССР, то Япония Германию в таком случае не поддержит*. Япония фактически в открытую переориентировалась на агрессию в южном направлении. Впервые за много лет перед Советским Союзом забрезжил свет надежды, что грядущую войну он будет вести только на одном фронте – с Германией. Разумеется, при условии что сам СССР, приводя свои вооруженные силы в боеготовность для отражения немецкой агрессии, будет вести себя осторожно и не даст возможности представить себя агрессором в отношении Германии. Ибо Япония сохраняла все свои обязательства по Тройственному пакту.

Да, с одной стороны, этот пакт не следует переоценивать. В Японии имелаась сильная партия сторонников агрессии против СССР, и они в этом случае проиграли сторонникам «южного направления» японской экспансии, как говорится, по очкам. Если же Германия разгромит Советский Союз, то, без сомнений, японцы немедленно этим воспользуются и отхватят от гибнущего СССР Приморье с Восточной Сибирью. И не только японцы – в этом случае поживились бы все соседи – и Турция, и Британская империя, и даже Иран с захолустным Афганистаном. Правда, все это при одном условии – если Германия победит СССР. А вот тут уже все зависело только от нас самих, а не от желаний японцев.

Но ни в коем случае нельзя пакт недооценивать! Этот договор, ставший следствием советско-германского пакта, имел важнейшее значение сам по себе. Факты говорят, что советское руководство придавало ему огромное значение, считало его жизнеспособным и сделало на него реальную ставку (замечу – нисколько тут не ошибившись). Подтверждением этому являются два уникальных, если не сказать – забойных факта.

Небывалый случай – после подписания договора Сталин с Молотовым лично отправились на вокзал проводить отбывающего на родину японского министра Мацуока. Ни до, ни после этого никакого другого министра они так не провожали. Уникальный факт, но вовсе не самый важный.

Главное, что этот договор сразу отразился на плане стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР, и парадокс, что этого до сих пор никто не заметил. Более того, этого не только не заметили: вот уже более двух десятилетий определенная категория историков придает ему прямо противоположное значение. Я имею широко известные, ставшие уже пресловутыми «Соображения по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», условно датируемые числом 15 мая 1941 года (точнее, не позже 15 мая, поскольку план разработан раньше указанной даты)³⁶. Именно этот военный план стал прямым следствием советско-японского договора о нейтралитете.

Мы не будем здесь рассматривать, был ли он закончен и утвержден в установленном порядке. Сейчас это совершенно не важно; *главное, что он активно разрабатывался по приказу политического руководства и отражал его взгляды на военно-политическую обстановку вокруг СССР.*

Собственно, почему этот документ стал «пресловутым»? Потому, что из-за двух фраз, которые, если бездумно рассматривать их сами по себе, вне смысла документа, при желании можно трактовать двояко и на этой основе приписать СССР некие агрессивные намерения, выставив его патологическим агрессором. Собственно, эти фразы и заслонили нашим историкам смысл этого документа.

А ведь после договора о Тройственном пакте это второй серьезнейший документ, который неопровержимо доказывает, что СССР не собирался наносить «упреждающий» удар по Германии. Надо было только спокойно и внимательно прочитать его, начиная с названия и до конца, да, видимо, те фразы, вызвав радостную истерику одних (и растерянность других), помешали это сделать. Давайте спокойно рассмотрим эти особенности.

Если взять европейский театр военных действий (ТВД), то в основных чертах это традиционный документ, повторяющий планы действий против Германии на случай войны с нею – октябрьский 1940-го и мартовский 1941 года.

Однако «Соображения от 15 мая» содержат резкие отличия от предыдущего плана, разработанного всего пару месяцев раньше. Давайте начнем с тех двух пресловутых фраз, свидетельствующих о якобы агрессивных намерениях СССР по отношению к Германии, и причин, вызвавших их появление:

«Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это ~~{и разгромить немецкую армию}~~, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»³⁷.

Выше мы уже отмечали, что в плане 1940 года Генштабом прямо закладывался срок в две-три недели между тем, как немцы закончат свое сосредоточение, и моментом, когда Красная армия сможет начать наступление в общем направлении на Краков. В это время немцы будут владеть стратегической инициативой и, разумеется, наступать. А чем может закончиться немецкое наступление, ясно показали кампании в Польше и Франции. В новом плане и пытались устранить этот органический недостаток предыдущего – не отдавать немцам стратегическую инициативу, ликвидируя опасный зазор в две-три недели между окончанием сосредоточения германской и советской группировок. Для этого предполагалось следующее:

«...Чтобы обеспечить выполнение изложенного выше замысла, необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия, без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле:

1. Произвести скрытое отобилизование войск под видом учебных сборов запаса;
2. Под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.